

Глава 2

«Смерть — это всего лишь еще одно великое приключение».

«Истина — это прекрасная и ужасная вещь, а потому к ней следует относиться с большой осторожностью».

Эти слова Дамблдора Гарри помнил отчетливо. Но лишь теперь, спустя две жизни, он по-настоящему осознал их смысл.

Гарри полагал, что после ослепительной вспышки «Авады» он наконец встретит родителей, Сириуса, Римуса или даже профессора Снейпа, который вряд ли горел желанием его видеть. Однако вместо этого, пройдя сквозь бесконечную тьму, он обнаружил себя в утробе матери. В этой колыбели тепла и заботы Гарри изо дня в день слушал нежные признания отца и крестного и даже язвительные нападки профессора Снейпа, который не упускал случая принизить Джеймса в присутствии Лили.

После рождения Гарри, обуреваемый жадностью до жизни, почти не спал. Он целыми днями во все глаза смотрел на лица родных, запечатлевая каждую черту. Однажды, когда профессор Снейп принес матери очередную порцию зелий, Гарри отважился на то, о чем в прошлой жизни не смел и помыслить. О, выражение лица Северуса в тот миг было бесценным — он мог поклясться, что никто и никогда не видел профессора в таком замешательстве. Когда младенец изо всех сил потянулся к нему, желая обнять, Гарри ясно увидел в его глазах мимолетный всполох растерянности и... радости.

Дети никогда не любили «старую летучую мышь», даже Драко побаивался своего сурового крестного. Но Гарри знал: Северус Снейп — образец для подражания, человек, который всей своей жизнью показал, что такое истинная храбрость, острый ум, верность и беззаветная любовь к его матери. Объятия профессора оказались теплыми. И пусть Снейп совершенно не умел держать младенцев, отчего ему было немного неудобно, знакомый аромат горьких трав дарил такое чувство безопасности, что Гарри едва удерживался от рыданий.

Этот человек отдал всё, чтобы защитить его — глупого, безрассудного мальчишку, который даже не ценил этой жертвы. Он заложил фундамент их победы ценой собственной жизни, а Гарри так и не успел сказать ему ни «спасибо», ни «прости». Находясь на руках у профессора, он не смог сдержать нахлынувших чувств. Вновь проявив львиную импульсивность, Гарри с трудом выговорил первый слог в этой жизни: «Северус». Он помнил искру восторга в глазах профессора, помнил ревность отца и крестного и тихую радость матери оттого, что её сын так поладил с другом её юности.

Но что толку? Рок неумолимо вращал свои шестерни. Краткий миг счастья сменился долгой утратой.

Когда Гарри очнулся от грохота, крик отца уже стих. Мать в слезах влиwała в него зелья, принесенные Снейпом, а затем перед ним предстал Волдеморт с уродливым змеиным лицом.

Гарри понял, что бессилён. Годовалый ребёнок не способен сотворить даже простейшее заклинание. Ему оставалось лишь смотреть, как мать падает замертво, смотреть, как в него летит зелёный луч, а затем — тишина. Смертная тишина.

Только его собственный плач разрывал безмолвие. Гарри думал, что, пожалуй, это был самый искренний крик за обе его жизни — крик, в котором он выплеснул всё: нежелание думать, невозможность осознать, просто жажду выплакать свою боль. Он плакал, провожая крестного, отправившегося в погоню за Хвостом; плакал, позволяя Хагриду унести себя. А потом наступила тьма.

С той роковой ночи прошло семь лет. Все эти годы Гарри почти не открывал рта. Ни крики, ни побои Дурслей, ни пристальный надзор миссис Фигг не могли заставить его заговорить. Тетя и соседи считали его умственно отсталым, а Дадли за глаза называл «деревяшкой».

Что ж, марионетка... не так уж далеко от истины. Судьба Спасителя всегда напоминала жизнь куклы, которую дергают за ниточки «чёрные» и «белые», «добро» и «зло». Каждый шаг предопределён, за каждым движением следят судьи. Почести или проклятия — всё это доставалось не Гарри Поттеру, а лишь титулу над его головой. Он не знал, что сказать, да и не видел смысла. Судьба, пройденная однажды, повторялась с пугающей точностью. Видимо, от жребия Спасителя не скрыться: ему снова придется жить в плену чужих ожиданий и фантазий.

Каждую ночь кошмары оживляли картины смерти из обеих жизней, обволакивая его удушающим чувством безнадежности. Просыпаясь, Гарри тайком выбирался из своего чулана, уходил в дальний угол сада и подолгу смотрел в ночное небо.

Созвездие Дракона сияло всё так же холодно и ослепительно — прямо как платиновые волосы Малфоя, которые всегда было так легко заметить в толпе. Гермиона когда-то шутила, что Драко никогда не станет хорошим шпионом, потому что его шевелюра выдаст любую засаду. На самом же деле во время войны Гарри хватало одного взгляда на этот платиновый отблеск, чтобы мгновенно обрести самообладание.

Но ему не суждено было приблизиться к этому свету — лишь наблюдать с безопасного расстояния. Сириус как-то сказал, что Поттеры в любви идут до конца, сметая все преграды. Но Гарри не был истинным гриффиндорцем. Он не мог позволить себе безрассудную отвагу.

Он помнил хаос послевоенных лет: столкновения фракций, борьбу за власть, где в ход шли самые грязные методы. Удержать Хогвартс независимым, защитить слизеринцев, внесших вклад в победу, уладить бесконечные проблемы членов Ордена Феникса... Это выпило из него все силы. В то сложное время у него не было ни минуты на личную жизнь. К тому же, чувства к Драко принесли бы лишь новые беды. Гарри казалось, что в те годы он думал больше, чем за всё время борьбы с Волдемортом, и это изнуряло его вплоть до самой смерти.

Смерть. При мысли об этом Гарри хотелось расхохотаться от горькой иронии. Спаситель пал не от руки Темного Лорда или Пожирателя смерти. Он погиб в мирное время — жертва предательства и жажды власти. Интриги, которые когда-то плели против Волдеморта, бывший

названный брат обернул против него. В тот момент у Гарри даже не нашлось сил оправдываться.

Собственно, он давно всё заметил. Предательство Рона... улики были повсюду, но Гарри упрямо закрывал на них глаза, не желая верить. И когда в кольце врагов он увидел лицо Рона, он подумал лишь о том, как сложится судьба Гермионы и Невилла — к счастью, он заранее подготовил для них пути к отступлению. Поэтому, когда из палочки Уизли вырвался зелёный луч, Гарри не стал уклоняться или наносить ответный удар. Он лишь спокойно улыбнулся и закрыл глаза. В нем не было ненависти или чувства обиды. Семья Уизли заплатила слишком высокую цену за эту войну — пусть эта «Авада» станет окончательным расчетом. Больше он им ничего не должен. Не нужно больше думать, как искупить вину, не нужно избегать чувств Джинни, не нужно беречь болезненное самолюбие Рона.

В этот раз всё будет иначе. Он методично уничтожит Волдеморта, как и прежде. Но не позволит Сириусу погибнуть из-за своей глупости. Не даст профессору Снейпу изводить себя шпионажем и уж точно не позволит змее Нагайне коснуться его. Он избавит Драко от мучительного выбора, а Дамблдору не даст увильнуть от ответственности за восстановление мира — пусть старик живет и разгребает то, что заварил. Теперь Волдеморт не сможет использовать его разум: судя по всему, Гарри поглотил осколок чужой души. Возродившийся дух оказался куда сильнее крестража, отчего даже шрам на лбу почти разгладился. Интересно, будет ли Драко по-прежнему называть его Шрамоголовым? Что до парселтонга — это умение осталось с ним, видимо, став результатом слияния с тем самым осколком.

А что потом? Когда долг будет исполнен?

Он просто уйдет. Тихо исчезнет, чтобы увидеть мир, который не успел разглядеть в прошлой жизни. Сделает всё, о чем мечтал, но на что никогда не хватало времени. А когда придет срок — встретит смерть в ясный погожий день. И обязательно нужно оставить письмо Гермионе. Пусть похоронит его в самой чаще Запретного леса, так, чтобы его лицо было обращено к созвездию Дракона.

Пожалуй, это лучший финал, который он мог себе представить.

<http://bllate.org/book/17565/1700373>